Научная статья

УДК 321.01; 321.7
DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-2-55-70

Коллегиально разделённая власть в контексте современных концепций распределения политической власти

Дмитрий Борисович Савельев

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

d.savelev@alumni.nsu.ru, https://orcid.org/0009-0004-3730-2253

Аннотация

Цель статьи – посредством сравнительного анализа с опорой на ключевые тексты выявить аналитические преимущества коллегиально разделённой власти (КРВ) Р. Коллинза по отношению к шести современным подходам: минималистской демократии, полиархии, сообщественной демократии, теории вето-игроков, динамической модели Д. Растоу и агонистическому плюрализму. Показано, что каждая из альтернативных концепций фиксирует лишь отдельный аспект распределения власти, но не даёт интегрального понятия: минималистская теория сводит демократию к выборам, полиархия не различает внутриинституциональное и внеинституциональное оспаривание, сообщественная модель привязана к сегментным обществам, теория вето-игроков описывает статику, модель Растоу слабо операционализирована, а агонистический плюрализм остаётся в рамках дискурсивной онтологии. КРВ, напротив, предлагает абстрактный и операциональный принцип деконцентрации власти, применимый к любым политическим системам, включая переходные состояния и кризисы.

Ключевые слова

коллегиально разделённая власть, распределение власти, минималистская демократия, сообщественная демократия, теория вето-игроков, агонистический плюрализм

Для цитирования

Савельев Д. Б. Коллегиально разделённая власть в контексте современных концепций распределения политической власти // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 2. С. 55–70. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-2-55-70

© Савельев Д. Б., 2026

Collegially shared power in the context of contemporary concepts of political power distribution

Dmitriy B. Savelyev

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

d.savelev@alumni.nsu.ru, https://orcid.org/0009-0004-3730-2253

Abstract

The paper aims to identify, through comparative analysis based on key texts, the analytical advantages of Randall Collins' concept of collegially shared power (CSP) over six contemporary approaches: minimalist democracy, polyarchy, consociational democracy, veto players theory, Rustow's dynamic model, and agonistic pluralism. It is shown that each of the alternative concepts captures only a separate aspect of power distribution but does not provide an integral notion: minimalist theory reduces democracy to elections; polyarchy conflates intra-institutional and extra-institutional contestation; the consociational model is tied to segmented societies; veto players theory describes statics; Rustow's model is poorly operationalized; and agonistic pluralism remains within the framework of discursive ontology. CSP, in contrast, offers an abstract yet operational principle of power deconcentration, applicable to any political system, including transitional states and crises.

Keywords

collegially shared power, distribution of power, minimalist democracy, consociational democracy, veto players theory, agonistic pluralism

For citation

Savelyev D. B. Collegially Shared Power in the Context of Contemporary Concepts of Political Power Distribution. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no 2, p. 55–70 (in Russian). DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-2-55-70

Проблема распределения политической власти между множеством акторов при сохранении целостности политии – одна из ключевых в политической философии. Античная концепция смешанного правления, новоевропейское разделение властей, современные теории демократии – каждая эпоха предлагала свои ответы. Однако большинство из них либо привязаны к конкретному институциональному дизайну (президентская или парламентская система, федерализм, бикамерализм), либо остаются на уровне нормативных идеалов. Возникает вопрос: существует ли понятие, которое фиксирует сам *принцип* деконцентрации власти – независимо от того, как именно он институционально воплощён?

Наше предположение заключается в том, что на искомую роль оптимально подходит концепция коллегиально разделённой власти (КРВ) Р. Коллинза, которая, несмотря на свой аналитический потенциал, остаётся не до конца разработанной. Ранее мы касались вопроса о соотнесении КРВ с другими концепциями политической власти [Савельев, 2021], но рассматривали его в общем виде. Настоящая статья призвана сопоставить КРВ с шестью влиятельными концепциями распределения власти в современной политической теории – минималистской демократией, полиархией, сообщественной демократией, теорией вето-игроков, динамической моделью Растоу и агонистическим плюрализмом – и за счёт этого выявить её аналитические преимущества.

Автор концепции коллегиально разделённой власти – американский социолог Рэндалл Коллинз – рассматривает *демократизацию* как процесс, имеющий несколько измерений, и указывает, что одно из них – степень *распределённости власти* [1] *– не получило должной теоретической разработки, хотя имеет основания считаться ключевым* для понимания эволюции политических систем [Коллинз, 2015, с. 201–206]. Коллинз предлагает отличать степень распределённости власти от измерения *широты избирательного права* (англ. *extent of participatory franchise*). Сочетание высоких значений последней вкупе с низкой степенью распределённости власти соотносится с концепцией «чистой демократии» – восходящей к Ж.-Ж. Руссо идеей о непосредственности и монолитности воли и власти народа [Руденко, 2012; Руссо, 2012] [2]. *Сама по себе* эта концепция не подразумевает «сдержек и противовесов», а потому нередко используется для «демократической» легитимации *плебисцитарной автократии*, «в которой есть единственный автократ, не ограниченный парламентом или балансом сил, зато избранный при всеобщем участии» [Коллинз, 2015, с. 205] [3].

Определения КРВ Коллинз не даёт, однако он указывает, что повышение коллегиальности власти связано с увеличением количества коллегиальных структур и их власти относительно центральной иерархии [Там же, с. 203]. «Коллегиальное разделение власти означает наличие выборов, советов, [законодательных] собраний, а также баланс сил между теми институтами политического действия, которые контролируют военную силу и снабжают ее материальными ресурсами» [Там же, с. 214]. Исходя из этого *коллегиально разделенную власть в самом общем виде можно определить как совокупность взаимосвязанных институтов политической системы, препятствующую произвольному использованию государственного аппарата каким-либо отдельно взятым политическим актором.*

Коллинз разрабатывает «геополитическую теорию коллегиальной власти», согласно которой становление КРВ происходит благодаря централизации коалиции нескольких военно-политических акторов с примерно равными ресур-

---

[1] В русском переводе измерение обозначено как «уровень коллегиально разделённой власти (degree of collegially shared power)» [Коллинз, 2015, с. 202], однако в личном письме переводчик сообщил, что слово «распределённость» может для слова share подойти лучше. Сам же термин «коллегиально разделённая власть» оставлен в исходном переводе как более-менее устоявшийся в литературе, а также во избежание путаницы между *политическим измерением* (степень распределённости власти) и *политическим институтом* (КРВ).

[2] При этом Руссо видит демократию скорее в качестве идеала: «Если бы существовал народ, состоявший из богов, он управлял бы собой демократически. Столь совершенное правление не для людей» [Руссо, 2012, с. 174]. Лучшей же формой правления он считает выборную аристократию [Там же, с. 174–175]. Отметим, что в статье № 51 из антологии «Федералист» (сборник из восьмидесяти пяти политических эссе, напечатанных в газетах Нью-Йорка в 1787–1788 годах разными авторами, выступавшими под общим псевдонимом Публий) Дж. Мэдисон поместил парафраз пассажа про богов, но заменил последних на ангелов [Федералист, 1993, с. 347].

[3] В качестве подтипа, аналога или синонимичного термина *плебисцитарной автократии* можно указать *электоральный авторитаризм*: «В подобных режимах институт выборов имеет вполне реальное значение; в отличие от “классического” авторитаризма, при котором преобладают фиктивные “выборы без выбора”… в них допускается участие в электоральном процессе различных партий и кандидатов… Именно изначально несправедливые “правила игры”, призванные обеспечить победу инкумбентов независимо от предпочтений избирателей, и отличают электоральный авторитаризм от электоральных демократий» [Гельман, 2012, с. 66].

сами. Вследствие неспособности отдельного актора сконцентрировать власть в своих руках и необходимости совместного противодействия общей внешней угрозе происходит формирование коллективной системы управления общими вооруженными силами. Умеренный геополитический успех вкупе со стабильной и долговременной общей внешней угрозой стабилизируют и легитимируют сложившуюся структуру КРВ. Таким путём, в частности, шли Венеция, Швейцария, Нидерланды и США [Там же, с. 245–256].

При этом он оговаривается, что возможен как минимум ещё один путь становления КРВ: «Противоположным случаем является тот, при котором централизованно управляемое государство слабеет из-за отсутствия военных и фискальных ресурсов. При его кризисе подчиненные единицы с небольшими независимыми силами противостоят фискальным требованиям со стороны центра и, наконец, соглашаются делать вклады в это государство, только если оно институционализирует некую структуру разделённой власти. Таков был путь демократизирующих революций в Англии и Франции» [Там же, с. 252–253]. Коллинз полагает, что концепция КРВ вполне применима и к современным государствам [Там же, с. 256–258]. Для наших дней наиболее интересен именно этот путь становления КРВ, по которому в случае становления демократии будут направляться *уже* централизованные модерные государства.

Однако следует признать, что наличие модерного государства должно вносить *значительные коррективы* в процесс становления КРВ, так как баланс ресурсов и возможностей *изначально смещён* в пользу правительства, его сторонников и зависимых от него сил. Поэтому в целом трансформация должна *либо* быть относительно скоротечной (как успешный транзит или его провал), *либо* вести к явному распаду государственности со всеми многообразными разрушительными последствиями. При *благоприятном* для политического транзита стечении обстоятельств должна сложиться достаточно развитая и эффективная система формальных и неформальных институтов, препятствующих возможной узурпации власти.

Коллинз, как основоположник, уделил внимание *основным чертам* новой концепции и геополитическим факторам *параллельного становления* модерного государства и КРВ. Поэтому опоры *исключительно* на теоретические наработки самого Коллинза недостаточно, а для уточнения концепции в обозначенном направлении необходимо обратиться к работам других авторов, чьи идеи концептуально близки коллегиально разделённой власти.

В основе теории Коллинза лежит типология видов коллегиальности Макса Вебера [Коллинз, 2015, с. 202; Вебер, 2016, с. 307–319]. Вебер писал: «Любое господство может быть лишено монократического (обусловленного *единоличностью* управления) характера путём введения принципа *коллегиальности*» (курсив автора. – *Д. С.*) [Там же, с. 307–308]. Для того чтобы коллегиальность [4] в отношении верховной власти была достаточно стабильной и эффективной, она должна

[4] Здесь и далее термин «коллегиальность» используется в смысле Вебера – как наличие некоторого коллективного учреждения, находящегося в связи с единоличным правителем и чьи функции могут от случая к случаю весьма различаться. Коллинз иногда использует его как синоним КРВ (см., например, [Коллинз, 2015, с. 205–206]), однако, на наш взгляд, понятия *коллегиальности* и *КРВ* следует разделять.

быть соответствующим образом оформлена в качестве *системы государственных институтов*.

Важно подчеркнуть, что за *формальным* выражением в коллегиальных учреждениях должно стоять некоторое *сущностное* разделение власти, поскольку *само по себе* наличие таких учреждений не является *ни необходимым, ни достаточным условием* разделения власти. Как пишет сам Вебер, «господство может традиционно или рационально ограничиваться и сдерживаться при помощи особых средств. Речь не об ограниченности господства в силу традиции или устава *как таковых*… Нас интересуют здесь специфические ограничивающие господство социальные *отношения* и союзы» (курсив автора. – *Д. С.*) [Там же, с. 307].

Например, «Специфицированная коллегиальность может быть представлена *просто* группой советников, чьи высказывания "за" или "против" представляются *господину* для принятия им свободного решения… Деятельность коллегии здесь всегда ориентирована на *поддержку* власти господина» (курсив автора. – *Д. С.*) [Там же, с. 310] – здесь *распределённость* власти отсутствует, но формально коллегиальность имеет место: наличествует *коллегия советников*, которая, однако, лишь весьма ограниченно может влиять на политику автократа. Другой пример – однопартийные системы с *de jure* парламентской формой правления: в них коллегиальность формально присутствует, но КРВ *de facto* нет, так как принятие ключевых политических решений осуществляется вне парламентских институтов – в политбюро или аналогичном партийном органе [5], – что и является отличительной чертой таких систем.

С другой стороны, *разделённость власти de facto* может не всегда отображаться в представительном учреждении (если оно вообще существует), а являть собой *закрытый*, *неформальный сговор* («*пакт*») элитных группировок, либо простое сосуществование нескольких слабых акторов – так называемый «плюрализм по умолчанию» (англ. *pluralism by default*) [Way, 2015]. Это не равнозначно *полноценной современной* демократии, поскольку устойчивость КРВ требует её явного институционального закрепления.

Таким образом, становление КРВ следует рассматривать в двух взаимосвязанных, но аналитически различных аспектах: *формальном* (увеличение полномочий коллегиальных учреждений и их роли в системе разделения властей) и *неформальном* (возникновение и воспроизводство реальных автономных центров силы, способных блокировать произвол). Это различение имеет ключевое значение для операционализации концепции КРВ до отдельных критериев.

Если Коллинз является последователем Вебера, то последователем самого Коллинза является Николай Сергеевич Розов, который не только перевёл книгу «Макроистория», но также посвятил две научные статьи анализу российской политической истории сквозь призму концепции КРВ.

В первой из них Розов указывает: «*Коллегиально разделенная власть* – это не коллегиальный орган власти… но *взаимосвязь нескольких взаимно ограничи-*

[5] КРВ *de facto* отсутствует в тех случаях, когда такой орган не разделён на противоборствующие фракции, и наоборот. Поскольку при социализме частная собственность ограничена или вовсе запрещена, под вопрос может быть поставлена сама *автономность* акторов. Однако ресурсы не следует сводить *исключительно к экономическим*: позиции сторонников и ставленников в бюрократической и партийной иерархиях – это тоже ресурсы, только уже *политические*.

вающих друг друга властных органов, каждый из которых осуществляет определенный набор функций… и может представлять те или иные заинтересованные в политике силы» (курсив автора. – *Д. С.*) [Розов, 2008, с. 79]. Данное определение позволяет рассматривать КРВ в нескольких аспектах. С одной стороны, КРВ можно трактовать в аспекте *разделения ветвей власти*, которое имеет важнейшее значение для современных демократий. С другой стороны, КРВ может проявляться также в *федеративных структурах* [6] – как взаимосвязь некоторого числа локальных представительных (и связанных с ними исполнительных) органов. В этом отношении КРВ представляет собой *общий принцип* деконцентрации власти.

В качестве сущностных компонентов демократии Розов указывает наличие у акторов автономных ресурсов при взаимном признании прав собственности, а также центрированность на правилах, выработанных путём равноправных договорённостей [Там же, с. 78–79]. Успешный демократический транзит, согласно Розову, представляет собой двухэтапный процесс, на первом шаге которого складывается «устойчивая коалиция центров силы», а на втором ими реализуется «конституционалистская стратегия», включающая утверждение институциональных механизмов разделения властей, регулярной ротации власти и открытого состязания за симпатии граждан [Там же, с. 82].

Во второй статье автор сближает КРВ с понятием «система сдержек и противовесов», причём особо подчеркивает, что КРВ не сводится целиком к разделению ветвей верховной власти [Розов, 2024, с. 143]. Розов указывает условия, препятствующие становлению КРВ: позитивный исторический опыт централизованного правления, негативный опыт распределённости власти, отсутствие паритетности ресурсов у акторов и приемлемость подавления слабых в политической борьбе [Там же, с. 149–150]. Проведя анализ политических трансформаций в России 1990-х гг., автор показал, как по результатам каждого острого конфликта степень распределённости власти снижалась, что привело, на его взгляд, к «демодернизации» [7] страны вместо ожидаемой демократизации [Там же, с. 159].

Таким образом, Розов не только уточняет понятие КРВ, но и предлагает конкретные механизмы и условия её становления, что делает его подход важным звеном в развитии теории. Однако для полноты картины целесообразно сопоставить КРВ с другими влиятельными концепциями распределения власти: *минималистскими* (Й. Шумпетер, А. Пшеворский, отчасти Р. Даль), акцентирующими электоральную конкуренцию; *институциональными* (А. Лейпхарт, Дж. Цебелис), фокусирующимися на механизмах разделения власти; а также *концепциями Д. Растоу* и *Ш. Муфф*, раскрывающими роль политической борьбы. Сопоставление позво-

[6] Равно как и вообще в аспекте отношений между регионами и центром – без ограничений федеративными государствами. Впрочем, отношения регионов друг с другом также имеют большое значение во внутринациональных геополитических процессах: «В любой федерации отношения субъектов между собой не менее важны, чем отношения регионов с федеральным центром» [Захаров, 2017, с. 58].

[7] Любопытно отметить, что автор здесь расходится с Р. Коллинзом в трактовке КРВ. Так, Н. С. Розов, ссылаясь на концепцию четырёхчастной модернизации [Коллинз, 2015, с. 259–303], расценивает становление КРВ как элемент модернизационного процесса *демократизации* [Розов, 2024, с. 145]. Однако Коллинз недвусмысленно пишет: «Коллегиально разделенная власть – это не феномен модернизации, тогда как расширяющееся избирательное право является таковым» [Коллинз, 2015, с. 46].

лит уточнить аналитические преимущества концепции КРВ по сравнению с конкурирующими теориями.

К Йозефу Шумпетеру восходит концепция «минималистской» демократии. Шумпетер подвергает подробной критике «классическую доктрину» демократии как выражения народной воли и утверждает, что граждане лишь избирают тех, кому доверяют, тогда как победившие на выборах ведут политическую деятельность исходя из собственных соображений [Шумпетер, 2008, с. 647–666]. В его представлении «демократический метод – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [Там же, с. 667]. Соответственно, государство можно назвать демократическим тогда, когда законодательная власть, избираемая населением на открытых конкурентных выборах, контролирует власть исполнительную – как, например, в парламентских монархиях, где монарх формирует правительство лишь с согласия парламента [Там же, с. 668].

Согласно Адаму Пшеворскому, ведущему представителю «минималистской демократии»: «Демократия – это система, при которой партии проигрывают выборы» [Пшеворский, 2000, с. 28], а «самая суть демократии заключается в конкуренции политических сил, имеющих противоположные интересы» [Там же, с. 108]. Он считает, что для функционирования демократии достаточно согласия политиков с процедурами, однако сами процедуры должны быть однозначно установленными, чтобы никому из них не было выгодно менять «правила игры» под себя [Там же, с. 45–47].

Пшеворский пишет, что немажоритарные институты (бикамерализм, президентское вето, разделение властей, независимый Центральный банк и тому подобные) не являются необходимыми для поддержания верховенства права и могут даже угрожать правам граждан, если правительство заручится их поддержкой; так что единственным эффективным средством контроля над политиками являются выборы [Przeworski, 2019, с. 5–7]. Автор относит к паттерну устойчивых демократий такие факторы, как относительно высокий доход на душу населения, политическую систему с доминированием парламента, а также достаточно продолжительный опыт существования эффективной демократии до кризиса [Там же, с. 29–38].

Однако «демократии не содержат институциональных механизмов, защищающих их от подрыва со стороны должным образом избранных правительств, соблюдающих конституционные нормы» [Там же, с. 176]. «Главный вывод заключается в том, что все зависит от того, предвидят ли люди, которых хоть сколько-нибудь волнует демократия, влияние конкретных шагов на долгосрочное будущее... если люди не реагируют в самом начале на действия правительства, которые будут иметь совокупный эффект подрыва демократии, демократия разрушается» [Там же, с. 185–186] [8]. Средством исправления ситуации он видит открытую конкуренцию между дееспособными партиями [Там же, с. 204–205].

[8] Отметим, что в политической философии республиканизма такое небезразличие называется *бдительностью* [Петтит, 2016, с. 421–422, 442–445]. Если Пшеворский настаивает, что без бдительности демократия может разрушиться, то это значит, что демократия с необходимостью её подразумевает. Отсюда следует, что Пшеворский фактически предполагает необходимость *гражданской добродетели* и тем самым выходит за пределы строго минималистской концепции демократии.

В качестве сильной стороны «минималистского» подхода можно отметить реалистичный взгляд на демократию как на средство разрешения конфликтов в среде элит. Минималистское определение сделало демократию легко измеряемым показателем, однако оно не является достаточным для отделения реальных демократий от «гибридных режимов», а участие населения в политике не ограничивается одними лишь электоральными процедурами [Pettit, 2017, с. 500–503]. Минималистская теория выявляет процедурное ядро демократии, но оставляет открытым вопрос о структурных гарантиях её устойчивости. На наш взгляд, акцентированный на выборах подход должен учитывать *условия*, при которых власть меняется посредством электоральных процедур. Следовательно, минималистский подход нуждается в дополнении теориями, анализирующими институциональные условия реальной сменяемости власти.

Ключевая особенность подхода Р. Коллинза – аналитическое выделение нескольких политических измерений, которое здесь мы наблюдаем только в качестве подспудного необходимого условия. Именно КРВ как «систему сдержек и противовесов» мы считаем главным условием «сменяемости власти», на которой акцентируют внимание сторонники минималистской демократии. В то же время электоральные процедуры оправданно считаются одним из ключевых элементов современных демократий, что следует учитывать при применении концепции КРВ к условиям модерной государственности.

Концепцию *полиархии* Роберта Даля нередко относят к минималистскому подходу, однако её следует рассмотреть отдельно. Даль выделяет два основных политических измерения – *либерализация* (публичное оспаривание как политическая конкуренция) и *открытость* (право избирать и быть избранным) [Даль, 2010, с. 9–12], – которые можно соотнести с измерениями *КРВ* и *широты избирательного права* по Коллинзу.

К идеальным типам режимов с высокими значениями либерализации Даль относит *конкурентные олигархии* и *полиархии*; последний термин он использует для обозначения «реальной демократии» – существующих режимов, которые, по мнению Даля, всё ещё далеки от демократии как социально-политического идеала [Там же, с. 13–15]. При этом ещё ни одна страна в мире не перешла от полиархии к «высшим» стадиям демократии [Даль, 2003, с. 343]. Для становления полиархии необходима рассредоточенность ресурсов насилия и экономических санкций между различными акторами, причём важна не форма собственности, а децентрализованность экономики [Даль, 2010, с. 62–63, 70–74].

Даль выделяет семь базовых институтов полиархии: выборность власти, честные выборы, всеобщее активное и пассивное избирательное право, свободы слова, информации и ассоциаций [Даль, 2003, с. 340–341]. Из них только первый частично соотносится с аспектом КРВ, а остальные институты в терминах Коллинза относятся к измерениям либо избирательного права, либо политических прав [Коллинз, 2015, с. 202–204].

Проблема здесь, на наш взгляд, заключается в недостаточной концептуализации измерения «публичного оспаривания», которое Даль также называет «либерализацией», «политической конкуренцией» и «публичной оппозицией» [Даль, 2010, с. 9–12]. «Публичное оспаривание» можно трактовать двояко: как оспари-

вание *внутри* государственных институтов (что соотносится с КРВ) и как оспаривание *извне* (что соотносится с силой гражданского общества). Кроме того, саму полиархию можно считать состоянием политической системы с высокими значениями трёх измерений по Коллинзу (КРВ, избирательное право, политические свободы). Иными словами, у Даля присутствует интуиция множественности центров власти, но она не оформлена в самостоятельное аналитическое измерение. На этом основании подход Даля представляется менее аналитически дифференцированным по сравнению с теоретическими построениями Коллинза.

Согласно Аренду Лейпхарту, многосоставным (англ. *plural*) обществам, разделённым на конфликтующие «социальные сегменты», оптимально соответствует модель *сообщественной* (англ. *consociational*) *демократии*. «Сегментарные различия могут иметь религиозную, идеологическую, языковую, региональную, культурную, расовую или этническую природу... Группы населения, выделяемые на основе указанных различий, будут именоваться *сегментами* многосоставного общества» (курсив автора. – *Д. С.*) [Лейпхарт, 1997, с. 38].

Сообщественная демократия имеет четыре основных элемента: правление посредством «большой коалиции» лидеров основных сегментов общества, что составляет центральный элемент модели [9]; взаимное право вето (как гарантия защиты прав меньшинств); пропорциональность в представительстве (а также в распределении государственных постов и средств государственного бюджета); высокий уровень автономности каждого сегмента (в том числе федерализм) [Там же, с. 60–79]. Иными словами, модель Лейпхарта описывает институционализацию распределённых центров власти в сегментированном обществе, где каждая группа сохраняет автономные ресурсы влияния.

Лейпхарт выделяет несколько факторов становления сообщественной демократии, но при этом указывает, что любая их констелляция не является необходимым и достаточным условием, так как многое зависит от действий политических акторов [10] [Там же, с. 90–91]. Важен приблизительный политический паритет трёх или более, но не чрезмерного числа сегментов: баланс двух сил, согласно Лейпхарту, является хрупким и ведущим к борьбе за доминирование [Там же, с. 91–102]. Малый размер страны благоприятствует сообщественной демократии, а внешнеполитическая угроза может повышать внутреннюю солидарность при условии, что она воспринимается как угроза всеми сегментами [Там же, с. 102–104].

Сообщественная демократия актуальна главным образом в контексте урегулирования межэтнических и межконфессиональных конфликтов, когда политические акторы опираются на устойчивые сегменты общества. В более поздних работах Лейпхарт утверждал, что сообщественная демократия с её пропорциональной избирательной системой и механизмами распределения власти (англ. *power-sharing*) является по сравнению с мажоритарными моделями оптимальной для *любых* государств [Lijphart, 2018]. Однако в обществах без чётко вы-

[9] Речь идёт в первую очередь о коалиционных правительствах в парламентских системах, но «большая коалиция» может принимать и другие формы – коллегиального главы государства (как в Швейцарии) или, наоборот, влиятельного, но неконституционного собрания [Лейпхарт, 1997, с. 66–72].

[10] «Роль политических элит будет определяющей в любом решении, касающемся выбора сообщественной модели в целом или ее отдельных механизмов» [Там же, с. 207].

раженного сегментного деления трудно говорить о репрезентации в смысле Лейпхарта и, следовательно, о реализации его модели.

Теория КРВ может рассматривать сообщественную демократию как частный случай – ситуацию, когда автономность политических акторов основана на автономии возглавляемых ими сегментов. Поскольку КРВ абстрагируется от конкретного источника автономии центров силы (ими могут быть партии, региональные элиты, сегменты и так далее), она оказывается более общей концепцией, способной интегрировать сообщественную модель как одно из своих конкретных проявлений.

Джордж Цебелис разрабатывает концепцию *вето-игроков* – индивидуальных или коллективных, институциональных (прописанных в конституции) или партийных (существующих благодаря диспозиции политических сил) акторов, чьё одобрение необходимо для изменения (легислативного) статуса-кво [Tsebelis, 2002, с. 2, 19].

Политическая (англ. *policy*) *стабильность* тем выше, чем меньше альтернатив статусу-кво, приемлемых для всех вето-игроков [Там же; Помигуев, 2014, с. 202]. Малое число альтернатив статусу-кво ведёт к нестабильности правительства (в парламентских системах) или самого режима (в президентских системах), а также к большей самостоятельности представителей исполнительной и судебной властей [Tsebelis, 2002, с. 3–4].

Ядро единодушия – множество состояний статус-кво, для которых не существует альтернативы, способной победить при единогласном согласии всех вето-игроков [Там же, с. 21; Помигуев, 2014, с. 202]. «Добавление нового вето-игрока повышает политическую стабильность или оставляет ее прежней» [Tsebelis, 2002, с. 25] [11]. Однако если вето-игрок находится внутри ядра единодушия других вето-игроков, то он не оказывает влияния на принятие решений [Там же, с. 284].

Индивидуальные вето-игроки являются либо отдельными лицами с соответствующими полномочиями, либо монолитными партиями или собраниями, в которых решения принимаются единогласно; однако в большинстве своём вето-игроки являются *коллективными* [Там же, с. 38]. *Коллективные* вето-игроки становятся акторами только при соблюдении принципа принятия решений простым или квалифицированным большинством. Если в рамках коллективного институционального вето-игрока доминирует партийный актор, то вето-игрок становится индивидуальным, а если доминирует коалиция нескольких акторов, то коллективного вето-игрока можно редуцировать до совокупности партийных вето-игроков, составляющих коалицию [Там же, с. 79].

Таким образом, теория вето-игроков даёт мощный инструмент для анализа политических процессов в условиях формальных институциональных ограничений и фактического соотношения политических сил, однако оставляет за скобками вопросы складывания самих механизмов распределения власти. В этом отношении она оптимально подходит для изучения сложившихся политических

[11] Отметим, что Цебелис считает проведение референдума (при низовой инициативе или соревновательной установке повестки дня) аналогичным введению нового вето-игрока (медианного избирателя) [Tsebelis, 2002, с. 116, 134–135]. Введение институтов бикамерализма, квалифицированного большинства и федерализма аналогичным образом увеличивает количество вето-игроков [Там же, с. 157, 159].

систем, в то время как КРВ предлагает более широкую рамку для понимания режимов со множественными вето-игроками. Кроме того, вето-игроки являются лишь агентами или институтами, в то время как КРВ – это устройство самой политической системы. В этом смысле теория Цебелиса может быть включена в рамки концепции КРВ как способ анализа и описания конкретных диспозиций акторов.

Если теория вето-игроков описывает статику институциональных ограничений и устойчивость политического курса, то динамику политических переходов и роль конфликта в становлении демократии раскрывает актор-ориентированный подход, основоположником которого стал Дэнкварт Растоу.

В статье «Переходы к демократии: навстречу динамической модели» он утверждает, что для становления демократии требуются два условия: *национальное единство* (минимальное согласие относительно принадлежности к одному политическому сообществу) и затяжная, не дающая решающего преимущества ни одной стороне *политическая борьба* [Rustow, 1970, с. 350–355]. В силу больших издержек и меньших перспектив продолжения конфликта по отношению к замирению стороны *могут* – в этом и заключается ключевой агентивный аспект – прийти к компромиссу: если он окажется успешным, то дальнейшее распространение демократических процедур более вероятно; провал же на первом шаге рискует оказаться фатальным [Там же, с. 355–361]. «Основа демократии – это не максимальный консенсус. Это нечто среднее между навязанным единообразием (которое может привести к некоторого рода тирании) и непримиримой враждебностью (которая может разрушить сообщество гражданской войной или сецессией). Суть демократии – это привычка к разногласиям и примирению по постоянно меняющимся вопросам и в условиях постоянно меняющихся расстановок» [Там же, с. 363].

Модель Растоу важна тем, что она описывает *сам процесс*, при котором длительная борьба без решающего перевеса подталкивает элиты к компромиссу, институциональным итогом которого становится система взаимных сдержек. В этом отношении КРВ выступает одним из возможных исходов описанной Растоу динамики – исходом, при котором конфликт не устраняется, а институционализируется. Статья Растоу глубоко метафорична и поэтому слабо операционализирована – это затрудняет её применение в исследовательской работе. Однако, акцентируя агентивность акторов и их выбор в пользу компромисса, модель Растоу в некоторой степени дополняет концепцию КРВ в процессуальном аспекте.

Если актор-ориентированный подход Растоу предполагает итоговый компромисс, то агональная теория демократии рассматривает конфликт как неизбежное и институционально необходимое измерение политической жизни. Теоретик постмарксизма Шанталь Муфф сформулировала концепцию *агонистического плюрализма* [Mouffe, 2000; 2005], которая ставит во главу угла конфликтное взаимодействие и потому противопоставляется как *минималистским* (см. выше), так и *делиберативным* [Хабермас, 2001; Ролз, 2010] моделям демократии.

Согласно Муфф, демократия немыслима без плюрализма, который должен отражать неискоренимое многообразие мнений и ценностей различных групп

населения. Рациональный консенсус по принципиальным основаниям их убеждений невозможен, а отказ от публичного ценностного плюрализма ведет либо к авторитаризму, либо к дефективной демократии, которая отталкивает от себя многие социальные группы и тем самым подрывает собственную стабильность – именно в этом Муфф видит одну из причин дисфункциональности делиберативных моделей.

Социальные конфликты неизбежны, поэтому демократическая политика должна не подавлять их, а канализировать в конструктивное русло – трансформировать *антагонизм* [12] в *агонизм*: «Несмотря на свое участие в конфликте, стороны считают себя принадлежащими к одному политическому сообществу, поскольку разделяют общее символическое пространство, внутри которого конфликт и происходит» [Mouffe, 2005, p. 20]. Таким образом, политические акторы должны поддерживать *ограниченный, но необходимый* консенсус – он должен царить в вопросе о конституирующих институтах и ценностях, но всегда должны существовать расхождения относительно их смысла и путей реализации [Ibid., p. 30–31]. При этом Муфф не считает, что всякий антагонизм можно превратить в агонизм: те, кто ставит этот ограниченный консенсус под сомнение, не рассматриваются в качестве легитимных соперников [Ibid., p. 120].

Проблема агонистического плюрализма проявляется главным образом в развиваемой Муфф постструктуралистской онтологии [Laclau, Mouffe, 2001; Муфф, 2003]. «Лингвистический поворот в теории, следующий общей моде конца XX века, предлагает нам дискурсивный идеализм, разрывающий любые стабильные связи сигнификации с референтами... У самого по себе спектра артикуляций нет никаких границ. Всё контингентно: экспроприация экспроприаторов могла бы стать лозунгом банкиров, секуляризация церковных земель – целью Ватикана, уничтожение гильдий – идеалом ремесленников, массовые сокращения – призывом рабочего класса, а огораживание – задачей крестьянства... Не только все может быть артикулировано в любом направлении, все буквально становится артикуляцией» [Андерсон, 2018, с. 145–146]. «Иначе говоря, любая общность (идентификация с группой людей) создается исключительно дискурсивно» [Байша, 2021, с. 15] и вне дискурса реальности не существует – дискурс по сути и есть сама реальность, конкретные конфигурации которой случайны, которая воспроизводится в процессах социального конструирования и которая всегда может быть изменена посредством относительно произвольных альтернативных артикуляций. Такая политическая онтология затрудняет сближение агонистического плюрализма с другими, более эссенциалистскими концепциями, в том числе с концепцией КРВ.

При этом теория Шанталь Муфф важна тем, что она акцентирует неизбежность конфликта как фундаментальную характеристику политического порядка. Несмотря на постструктуралистскую онтологию, идея преобразования антагонизма в агонизм оказывается продуктивной для понимания задач институцио-

[12] Муфф переосмысляет концепцию *политического* по К. Шмитту [Савин, 2015], согласно которой только отношения между *врагами* можно называть *политическими*: «Враг есть только некая, по меньшей мере эвентуально, т. е. по реальной возможности, *борющаяся* совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности. Враг есть только *публичный* враг, ибо все, что соотнесено с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится поэтому публичным» (курсив автора. – *Д. С.*) [Шмитт, 2016, с. 304].

нальных теорий демократии: если конфликт неустраним, то требуется создание устойчивой формы управления им. Концепция КРВ и предлагает такую форму.

Проведённый анализ показывает, что каждая из рассмотренных концепций фиксирует лишь один из аспектов распределённой власти, но не даёт её интегрального понятия. Минималистская теория сводит демократию к электоральной конкуренции, оставляя за скобками структурные условия сменяемости власти; полиархия Даля не различает внутриинституциональное оспаривание и давление гражданского общества; сообщественная демократия Лейпхарта привязана к сегментным обществам и не универсальна; теория вето-игроков Цебелиса описывает статику институтов, но не объясняет их возникновение; динамическая модель Растоу метафорична и слабо операционализирована; агонистический плюрализм Муфф, признавая неустранимость конфликта, остаётся на уровне дискурсивной онтологии. Концепция коллегиально разделённой власти, напротив, предлагает абстрактный и одновременно операциональный принцип деконцентрации власти, который не привязан ни к сословной структуре, ни к конкретному институциональному дизайну. Она позволяет исследовать как устоявшиеся демократии, так и переходные состояния, включая социально-политические кризисы, что выгодно отличает её от перечисленных альтернатив. Предложенная концепция может быть применена к анализу политических транзитов модерной государственности, что позволит проверить её эвристический потенциал на эмпирическом материале.

Список литературы

Андерсон П. Перипетии гегемонии / Пер. Д. Кралечкина. М.: Ин-т Гайдара, 2018.

Байша О. А. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. М.: Высш. шк. экон., 2021.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / Пер. Л. Г. Ионина. М.: Высш. шк. экон., 2016. Т. 1. Социология.

Гельман В. Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4. С. 65–88. DOI: 10.30570/2078-5089-2012-67-4-65-88.

Даль Р. Демократия и её критики / Пер. М. В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2003.

Даль Р. О демократии/ Пер. А. С. Богдановского. М.: Аспект Пресс, 2010.

Захаров А. А. «Смерть диким, грязным, гадким унитариям!», или История о том, как Аргентина стала федерацией // Неприкосновенный запас. 2017. № 1. С. 37–58.

Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности / Пер. Н. С. Розова. М.: УРСС, 2015.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. Б. И. Макаренко. М.: Аспект Пресс, 1997.

Муфф Ш. Витгенштейн, политическая теория и демократия // Логос. 2003. № 4–5. С. 153–165.

Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. А. Яковлева. М.: Ин-т Гайдара, 2016.

Помигуев И. А. Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления // Политическая наука. 2014. № 1. С. 199–210.

Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. В. А. Бажанова. М.: РОССПЭН, 2000.

Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. В. В. Целищева. М.: ЛКИ, 2010.

Розов Н. С. Коллегиально разделённая власть и условия поэтапного становления демократии в России // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 74–89.

Розов Н. С. Политическая (де)модернизация России 1990-х годов: поворотные события и модели конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 142–161. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.10

Руденко В. Н. «Чистая демократия» и её атрибуты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10. № 3. С. 120–126.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Начала политического права // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб.: Росток, 2012. С. 115–238.

Савельев Д. Б. Коллегиально разделенная власть: определение и критерии // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19. № 4. С. 87–98. DOI: 10.25205/2541-7517-2021-19-4-87-98.

Савин Н. Ю. Порывая с Карлом Шмиттом: понятие политического в теории агонистического плюрализма // Логос. 2015. № 6. С. 163–179.

Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / Пер. Н. Н. Яковлева. М.: Прогресс, 1993.

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. Ю. С. Медведева. СПб.: Наука, 2001.

Шмитт К. Понятие политического / Пер. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. С. 363–824.

Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. New York: Verso, 2001.

Lijphart A. Consociationalism After Half a Century // Consociationalism and Power-Sharing in Europe: Arend Lijphart's Theory of Political Accommodation / Ed. M. Jakala, D. Kuzu, M. Quortrup. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–10.

Mouffe Ch. The Democratic Paradox. New York: Verso, 2000.

Mouffe Ch. On the Political. New York: Routledge, 2005.

Pettit Ph. Democracy Before, In, and After Schumpeter // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2017. Vol. 20. No. 5. P. 500–527.

Przeworski A. Crises of Democracy. Cambridge University Press, 2019.

Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. No. 3. P. 337–363.

Tsebelis G. Veto Players: How Political Institutions Work. Princeton University Press, 2002.

Way L. Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics. Johns Hopkins University Press, 2015.

References

Anderson P. The H-Word: The Peripeteia of Hegemony / Transl. D. Kralechkin. Moscow: Gaidar Institute Press, 2018. (in Russian)

Baisha O. A. Discursive Fault Line of the Social Field: Lessons of the Euromaidan. Moscow: HSE Publishing House, 2021. (in Russian)

Collins R. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run / Transl. N. S. Rozov. Moscow: URSS, 2015. (in Russian)

Dahl R. Democracy and Its Critics / Transl. M. V. Ilyin. Moscow: ROSSPEN, 2003. (in Russian)

Dahl R. On Democracy / Transl. A. S. Bogdanovskiy. Moscow: Aspekt Press, 2010. (in Russian)

Gelman V. Ya. The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia // Politeia. 2012. No. 4. P. 65–88. (in Russian) DOI: 10.30570/2078-5089-2012-67-4-65-88

Habermas J. The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory / Transl. Yu. S. Medvedev. St. Petersburg: Nauka, 2001. (in Russian)

Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. New York: Verso, 2001.

Lijphart A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration / Transl. B. I. Makarenko. Moscow: Aspekt Press, 1997. (in Russian)

Lijphart A. Consociationalism After Half a Century // Consociationalism and Power-Sharing in Europe: Arend Lijphart's Theory of Political Accommodation / Ed. M. Jakala, D. Kuzu, M. Quortrup. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–10.

Mouffe Ch. The Democratic Paradox. New York: Verso, 2000.

Mouffe Ch. Wittgenstein, political theory and democracy // Logos. 2003. No. 4–5. P. 153–165. (in Russian)

Mouffe Ch. On the Political. New York: Routledge, 2005.

Pettit Ph. Republicanism: A Theory of Freedom and Government / Transl. A. Yakovlev. Moscow: Gaidar Institute Press, 2016. (in Russian)

Pettit Ph. Democracy Before, In, and After Schumpeter // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2017. Vol. 20. No. 5. P. 500–527.

Pomiguev I. A. Veto players conception: a new approach in forms of government research // Political Science. 2014. No. 1. P. 199–210. (in Russian)

Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America / Transl. V. A. Bazhanov. Moscow: ROSSPEN, 2000. (in Russian)

Przeworski A. Crises of Democracy. Cambridge University Press, 2019.

Rawls J. Theory of Justice / Transl. V. V. Tselischev. Moscow: LKI Press, 2010. (in Russian)

Rousseau J.-J. The social contract, or principles of political right // Rousseau J.-J. Political Writings. St. Petersburg: Rostok, 2012. P. 115–238. (in Russian)

Rozov N. S. Collegially shared power and the conditions for the gradual establishment of democracy in Russia // Polis. Political Studies. 2008. No. 5. P. 74–89. (in Russian)

Rozov N. S. Political (de)modernization of Russia in the 1990s: turning events and models of conflict dynamics // Polis. Political Studies. 2024. No. 3. P. 142–161. (in Russian) DOI: 10.17976/jpps/2024.03.10

Rudenko V. N. «Pure democracy» and its attributes // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2012. Vol. 10. No. 3. P. 120–126. (in Russian)

Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. No. 3. P. 337–363.

Savelyev D. B. Collegially shared power: definition and criteria // Siberian Journal of Philosophy. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 87–98. (in Russian) DOI: 10.25205/2541-7517-2021-19-4-87-98

Savin N. Yu. Breaking with Carl Schmitt: the concept of the political in the theory of agonistic pluralism // Logos. 2015. Vol. 25. No. 6. P. 163–179. (in Russian)

Schmitt C. The Concept of the Political / Transl. A. F. Filippov. St. Petersburg: Nauka, 2016. (in Russian)

Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy // Schumpeter J. Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy. Moscow: Eksmo, 2008. P. 363–824. (in Russian)

The Federalist Papers: Political Essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay / Transl. N. N. Yakovlev. Moscow: Progress, 1993. (in Russian)

Tsebelis G. Veto Players: How Political Institutions Work. Princeton University Press, 2002.

Way L. Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics. Johns Hopkins University Press, 2015.

Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / Transl. L. G. Ionin. Moscow: HSE Publishing House, 2016. Vol. 1. Sociology. (in Russian)

Zakharov A. A. «Death to wild, dirty, vile unitarians!» or the story of how Argentina became a federation // Neprikosnovennyi zapas. 2017. No. 1. P. 37–58. (in Russian)

Информация об авторе

Дмитрий Борисович Савельев
аспирант, Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Dmitriy B. Savelyev
Postgraduate Student, Novosibirsk State University

Статья поступила в редколлегию 23.03.2026;
одобрена после рецензирования 27.03.2026; принята к публикации 23.04.2026.

The article was submitted 23.03.2026;
approved after reviewing 27.03.2026; accepted for publication 23.04.2026